

Белоруссия в трудах А. Н. Пыпина

Особенности исторического, политического, социально-экономического и культурного развития Белоруссии отразились на замедленности процесса формирования национального самосознания белорусов и во многом определили более позднее, чем у других славянских народов, формирование нации¹. В русской историографии XIX в. Белоруссия, наряду с Украиной, рассматривалась не как самостоятельная этническая единица, а как неотъемлемая часть Российской империи, именуемая Западным или Северо-Западным краем. «Белой Русью» традиционно считалась территория от Смоленска до Березины. Белорусским называлось население восточных районов края, жители западных и центральных районов назывались «литвинами» (жители Полесья — «полещуками»). Белорусский язык рассматривался как наречие русского языка.

«Белорусский вопрос» заявил о себе в связи с польским восстанием 1863–1864 гг., затронувшим и часть белорусских земель. Развитие белорусского национального движения шло в основном по тем же направлениям, что и украинского, но размах и темпы этого движения в Белоруссии были значительно скромнее. Поэтому «белорусский вопрос» (строго говоря, не представлявший из себя «вопроса») не был предметом полемики у русской общественности и почти не затрагивался в печати.

Однако процесс развития наций продолжался, и к концу XIX в. «национальный вопрос» уже вызывал интерес в различных кругах общества. Потребность в его осмыслении явилась стимулом для научных разработок в области истории, этнографии, лингвистики, фольклористики и т. д.

Не остался в стороне от этих исследований и А. Н. Пыпин. В конце XIX в. он предпринял серьезный труд по изучению истории русской этнографии. Последний, четвертый том этого труда он посвятил Белоруссии и Сибири². Если продолжить сравнение с Украиной, то «Этнография малорусская» занимает целый объемный третий том данного издания, а белорусская этнография уместилась на 173 страницах. Но и это следует считать большим положительным сдвигом в изучении белорусского народа, в систематизации историографических данных, относящихся к Белоруссии.

В более ранних работах Пыпина белорусская тема не выделялась в самостоятельную. В «Обзоре истории славянских литератур»³ третья глава, именуемая «Русское племя», содержит разделы «Русская литература», «Малорусы» и «Галицкие Русины». Как видим, раздела, посвященного белорусам и белорусской литературе, здесь нет. Но следует заметить, что для творческого почерка Пыпина было характерно «вплетение» литературных явлений в исторический контекст, связь истории культуры с социально-политическими событиями. Поэтому его историко-литературные исследования изобилуют сведениями самого разнообразного характера¹⁾. Так и во «Введении», предваряющем «Обзор истории славянских литератур», Пыпин дал некоторые сведения о белорусах.

В общей классификации славянских народов, которых он делит на западных и восточных славян²⁾, он относит к восточной ветви славянства *русских*, имеющих «подразделения»: великорусы, малорусы и белорусы⁴. На это обстоятельство очень важно обратить внимание, так как и в более поздних своих работах Пыпин, употребляя термин «русские», зачастую имел в виду совокупность великорусского, малорусского и белорусского народов, при этом не сомневаясь в этнической самостоятельности каждого из них. Такое содержание этнонима «русские» было характерно в XIX в. не только для Пыпина, но и для многих историков, этнографов, филологов того времени (в том числе и славистов). Вместе с тем, и у Пыпина, и у других исследователей наряду с указанным расширительным толкованием понятия «русские», довольно часто встречалось и употребление его в качестве обозначения только «великорусского» народа. Следовательно, в каждом случае необходимо учитывать определенный контекст, в который помещено это слово.

Чуть дальше в том же «Обзоре» Пыпин дает сведения о территории расселения белорусов, которые после разделов Польши снова

1) Историко-культурный и общественно-исторический аспекты преобладают в трудах Пыпина над собственно литературоведческим анализом.

2) Не совсем понятно, почему Пыпин отнес к восточному славянству (по «этнографическим особенностям и языку, а затем и по историческим условиям») кроме русских также болгар и сербов. Единство веры им в данном случае не учитывалось, поскольку в состав сербского племени он включал сербов, хорватов и «словинцев» (Пыпин А. П. Обзор... С. 5). Отчасти объяснение находим в «Истории славянских литератур» (Т. 1. СПб., 1879. С. 20): «Теперь принятое деление славянских наречий на две группы — северо-восточно-южную и западную — основывается на нескольких характеристических отличиях в звуках и словообразовании». Впервые, отмечал Пыпин, оно было применено Й. Добровским, затем и П. Шафарик принял это деление. Наряду с этим, и в «Обзоре», и в других работах Пыпина южное славянство по праву занимает свое самостоятельное место в классификации славянских народов.

вошли в состав Российской империи и «занимают значительную часть так называемых западных губерний: Могилевскую, Минскую, большую часть губерний Витебской и Гродненской, часть губерний Виленской и, по новым известиям, — Августовской в Польше»⁵. Пользуясь иностранными источниками, Пыпин приводит данные о численности белорусского населения и его конфессиональной принадлежности: «Племя *белорусское* Шафарик считает в 2.726,000, — почти исключительно православных (350,000 католиков, по Платеру и др.)»⁶.

Обращаясь к славянской истории и противопоставляя свою точку зрения славянофильской, Пыпин старался доказать, что идея славянского единства возникла недавно, в прошлом же славянство не было единым. Народы «жили раздельною жизнью [...] окруженные совершенно разнохарактерными условиями», в результате чего образовалось «множество „видов“ славянского типа». Пыпин представлял аргументированные доказательства в пользу того, что не только «трудно совместить в какое-нибудь славянское единство современные общественные стремления Русского, Поляка, Чеха, Серб и т.д.», но даже внутри одной ветви славянства «трудно восстановить общий тип», соединяющий, например, белорусского крестьянина и великорусского мужика⁷.

Рассуждая о степени реальной близости славянских народов в прошлом, Пыпин не мог не отметить важность религиозного фактора, который зачастую оказывается сильнее национального. Болгария и Сербия близки России, писал он, не столько потому, что южное славянство «было с нами единоплеменно, сколько потому, что было единоверно». Различные «религиозные системы» отдаляют и разъединяют даже родственные народы. Для иллюстрации этого положения Пыпин опять обращается к «белорусскому примеру»: «В те времена, когда наша историческая жизнь была еще свободна от всяких чужих культурных влияний, и руководилась непосредственными внушениями патриархальных понятий, Русские были как нельзя больше далеки от своих соплеменников, которые были к ним даже гораздо ближе Сербов и Болгар, но виноваты были в католицизме. Таковы были, например, отношения древней Руси к „Литве“, т. е. к Белорусам: они были еретиками, с которыми, конечно, не мог иметь дела русский православный человек 16–17-го века, — он отрекся бы даже от них, не только от других славянских католиков, если бы кто-нибудь стал требовать от него братского сочувствия к ним и единения»⁸.

Третью главу книги Пыпин начинает с объяснения того, какие факторы способствовали формированию различий трех составных частей «русского племени» — великорусского, малорусского и бело-

русского народов. Состоящее из многих мелких племен русское племя «при первом появлении в истории» не являлось «одной сплошной национальной массой». В дальнейшем политическая история еще больше «содействовала этому разделению». Южная и западная части Руси, «связанные с Литвой и Польшей, жили в иных условиях, действовавших на народный характер и образование»⁹.

Когда литовское племя объединилось со славянским населением западной части Руси в одно политическое целое под названием *Литва*, «это прозвище стало достоянием Белорусского края и белорусской народности»¹⁰. Эти части Руси сохранили свой язык и религию (до введения унии). Язык Западной Руси «был языком господствующим, языком княжеского дома, законодательства и управления». На нем, как на языке официальном, была написана масса документов и грамот, а также законодательные памятники (статут Казимира Ягеллона, Литовский статут и др.). Языком книги Княжества Литовского, писал Пыпин, также «стало наречие западно-русское (польско-русское, белорусское)», которому он давал следующую характеристику: «странный язык, соединявший в себе общую русскую основу с оттенками старо-славянского, польского, южного и собственно белорусского». В религиозном отношении в период литовского господства «народ оставался православным»¹¹. Но при этом белорусские земли «мало участвовали в том культурном состоянии и литературе, которые развивались в северной и восточной Руси, централизованной в Москве»³⁾.

В результате политического ослабления Польши белорусские земли были присоединены к России. Однако в Белоруссии («Русь Литовская») это соединение, по словам Пыпина, «долго не могло пересилить хода вещей, установившегося в течение польского периода»¹², т. е. нескольких столетий, когда ощущалось сильное польское влияние на жизнь белорусов. Это влияние действовало «на высшее сословие Литовской Руси, и боярство мало помалу принимало польские нравы, а с ними религию и язык». Дело не ограничилось колонизацией и окатоличиванием высшего сословия; «стала угрожать опасность и народному православию».

Вместе с тем, отмечал Пыпин, католическая пропаганда, «проводимая иезуитами, пробудила в русской народности чувство самосохранения». В XVI столетии «русская аристократия Литвы имела еще

³⁾ Пыпин пояснял, что русская литература — это литература преимущественно «великорусской части племени», другие части племени «до соединения участвовали в культурной истории великорусской Москвы [...] только в одно известное время, в 16–17-м столетиях» (Пыпин А. П. Обзор... С. 171).

в своей среде ревностных защитников православия, каков был, напр[имер], Константин Острожский, и между двумя сторонами начинается борьба: в западной Руси появляется усиленная литературная деятельность, которая, впрочем, ограничивалась одной религиозной полемикой». Именно в литературной деятельности проявляется противодействие католической пропаганде и унии, и для отпора им, объяснял Пыпин, «нужно было бороться с ними равным оружием, и потому западно-русское православие вооружается той же схоластической наукой и теми же схоластическими формами литературы». Языком этой литературы был старославянский язык, «отчасти уже выработавшийся тогда книжный великорусский», но большая часть книг (переводы отцов церкви, полемические сочинения и др.), замечает Пыпин, была написана «тем западно-русским наречием, которое тогда отразило в себе смесь элементов, живших в Литовской Руси и особенно польское влияние». Но даже старославянские богослужебные книги, печатавшиеся в западнорусских типографиях, отмечает ученый, «снабжались белорусскими предисловиями, дополнениями и объяснениями». В числе ученых и литераторов этой эпохи Пыпин называет Симеона Полоцкого, Франциска Скорину и др.¹³.

Позже Пыпин и Спасович переработали и дополнили «Обзор истории славянских литератур» и издали двухтомную «Историю славянских литератур»¹⁴. Для Пыпина, придерживавшегося культурно-исторического (или общественно-исторического) метода, история славянских литератур это — «интеллектуальная жизнь племени», «отражение различных эпох и ступеней его развития [...] освещение его идеалов и человеческих стремлений»¹⁵. В соответствии со своими взглядами он меньше останавливался на художественных особенностях литературы, и в большей степени давал обзор общественно-исторического развития славянских народов, приводя явления литературного процесса в тесную взаимосвязь с ним.

Глава третья нового труда, как и раньше, называется «Русское племя». Сведения, касающиеся Белоруссии, принципиальных изменений не претерпели, разве что в излагаемом материале появилось больше подробностей и новых статистических данных (в соответствии с которыми «белорусское племя» насчитывало четыре миллиона человек)¹⁶. В классификации славянских языков, данной в «Истории славянских литератур», белорусскому языку отведено самостоятельное место, наравне с великорусским и малорусским, однако, в отличие от двух последних языков, он назван «наречием»¹⁷ (видимо, в связи с тем, что он в то время еще не получил законченного оформления в качестве литературного языка).

В отличие от «Обзора» в 3-й главе «Истории» появляется новый раздел «Народная поэзия», несколько страниц в котором (С. 401–405) посвящены не столько самой белорусской народной поэзии, сколько истории ее изучения. Интерес к народной жизни, народному творчеству Пыпин связывал с процессом национального возрождения, который у белорусов проходил медленнее, чем у других народов. Он заметил, что белорусская народность поздно обратила на себя внимание и остается малоизученной; «настоящие изучения» края в России, по мнению ученого, только начались. Пыпин кратко останавливается лишь на главнейших, с его точки зрения, этапах процесса изучения белорусской народности, отсылая за подробностями к книге П. А. Бессонова «Белорусские песни»¹⁸.

Первыми начали изучать белорусские земли и белорусскую народность польские исследователи, и в этом Пыпин видел их большую заслугу, хотя в то же время не закрывал глаза на то, что в их дело часто «замешивалась политика»¹⁹. Упоминая о вкладе польских исследователей, Пыпин отмечал, что С. Линде в «Словаре польского языка»²⁰ ввел много белорусских выражений, а с ними и «черты быта и народного творчества». Л. Голембёвский в «Lud Polski» (1830) и других сочинениях привел немало подробностей белорусского быта и дал несколько белорусских песен, записанных латинской азбукой. Известный «польско-русский археолог» З. Доленга-Ходаковский сам занимался собиранием песен. Пыпин обращает внимание на то, что к издававшимся польскими исследователями в 30–40-х годах сборникам нужно относиться критически, поскольку методика записи и издания песен предполагала их воспроизведение в польском правописании или в переводе на польский язык²¹.

Отмечая усилия польских ученых в изучении народного поэтического творчества белорусов, Пыпин в то же время напоминает, что Западный край дал Польше замечательных поэтов (прежде всего, А. Мицкевича), на «поэтическое развитие» которых, без сомнения, «имела свою долю влияния» белорусская народная поэзия²².

В России, пишет Пыпин, одним из первых «обратил внимание на особенности белорусского наречия» К. Ф. Калайдович. П. В. Киреевский во время посещения Белоруссии собрал немало народных песен, но не смог их напечатать (П. Бессонов предпринял издание собрания Киреевского, дополняя его своими материалами)²³.

Пыпин продолжает обзор изучения белорусской народности сведениями об исследованиях в области этнографии и истории белорусских земель сначала «местными» исследователями (Т. Нарбут, И. Ярошевич, И. Лукашевич, И. Крашевский, И. Данилович, Е. Тышкевич и др.), затем представителями российских властей (статистические и этно-

графические описания губерний). В области изучения фольклора и языка Пыпин отмечает работы П. Шпилевского и И. Носовича. Сообщая, что на страницах научной и общественно-литературной периодики также публиковались исторические и этнографические материалы, Пыпин подчеркивал их случайный и отрывочный характер. Ученый был вынужден констатировать, что, несмотря на проведенные исследования, остается невыясненной «область русской народности западного края в ее целом»²⁴.

Период после «усмирения» польского восстания 1863–1864 гг. Пыпин связывает с деятельностью в Западном крае «не лучших» представителей русского общества, проводивших в жизнь идею «обрусения» края и «восстановления» русской народности (белорусы, объясняет Пыпин, «не оправдали» ожиданий русских властей и те решили «подправлять эту народность», в то время как надо было бы, по мнению ученого, проявить понимание «исторических процессов и разнообразия явлений в одном племенном типе») ²⁵. Эти слова (с учетом цензурных ограничений) звучали прямой критикой действий властей в белорусском вопросе.

Среди работ, выполненных с проправительственной точки зрения, Пыпин называет издание П. Гильтебрандта «Сборник памятников народного творчества в северо-западном крае» (Вильна, 1866). Этот сборник ученый характеризует как «издание не критическое» (в него попали и подделки), содержащее «грубые рассуждения о национальных отношениях края». Но наряду с подобными изданиями, Пыпин обращает внимание на сборники народных песен, дополненные описанием обрядов, обычаев, быта, языка, выпущенные П. Бессоновым и П. Шейном²⁶, считая, что эти издания открывают этап «серьезного, научного исследования белорусского народного быта и поэзии»²⁷.

Практически на нескольких страницах Пыпин схематично изложил те сведения, которые впоследствии в «Истории русской этнографии» дал в развернутом виде.

Подготовительным этапом к сводному белорусоведческому труду можно считать и журнальные публикации Пыпина. В отделе библиографии «Вестника Европы» он постоянно помещал заметки и рецензии на издания, имеющие отношение к Белоруссии, отмечал развитие там краеведения, участие местной интеллигенции в собирании произведений устного народного творчества, активизацию деятельности этнографического отдела Русского географического общества по изучению белорусского народа и т. п.²⁸. В «Вестнике Европы» Пыпин печатал и отдельные статьи по белорусской этнографии, которые потом вошли в «Историю русской этнографии»²⁹.

Не ограничиваясь имеющейся у него литературой, Пыпин черпал также сведения из белорусских источников. Он обращался к местным исследователям с просьбой сообщать свои биографические данные для включения их в сводный труд. Ученый поддерживал связи с исследователями-этнографами и собирателями белорусского фольклора Е. Р. Романовым, Н. Я. Никифоровским, П. В. Шейном и др. Пыпин оказывал определенное влияние на их деятельность³⁰.

В 1892 г. вышел четвертый, завершающий том капитального труда Пыпина «История русской этнографии», в котором автор постарался представить всё, что было накоплено к тому времени в области изучения Белоруссии⁴⁾. Это обобщающее исследование имеет преимущественно историографический характер, но немало внимания в нем, как всегда, уделено историческим сведениям. То, что обзоры работ, посвященных изучению малорусского и белорусского народов, были включены в труд по русской этнографии, подтверждает неизменность взглядов Пыпина на принадлежность этих народов вместе с великорусским к общему для них «русскому племени»⁵⁾, принадлежащему к восточной ветви славянства.

Поскольку в связи с развитием национального самосознания изучение народа — его истории, уклада жизни, быта, обычаев, обрядов, творчества — становится, как отмечал Пыпин, «все более господствующим интересом общества», то автор сразу же оговаривался, что его труд предназначен не столько для узкого круга специалистов, сколько вообще для «образованных любителей народоведения и начинающих этнографов»³¹. Таким образом, ученый сразу же определял научно-популярный характер издания, рассчитанного на то, чтобы привлечь внимание к приобретаемому все большую актуальность национальному вопросу более широких слоев общественности. Автор не только дает историю изучения вопроса, но и намечает «настоятельные задачи дальнейшего исследования» (С. III), прекрасно понимая, что его работа не ставит точку в белорусоведении.

В предисловии Пыпин предупреждает читателя, что не считает нужным оспаривать различные «мнения» и «теории», касающиеся «народной жизни и народности», считая это занятие «неблагодарным» и «бесплодным» (хотя признается, что раньше критиковал

4) Пыпин считал этнографию наукой, включающей изучение различных граней материальной и духовной жизни народа в прошлом и настоящем. Для всестороннего решения этой задачи он использовал труды по истории, географии, статистике, языкознанию, фольклористике и др.

5) Заметим, что этнологическая терминология к тому времени не была еще достаточно разработана и четко зафиксирована в соответствии с определенными понятиями.

«известные учения», за что получал упреки с разных сторон) (С. III–IV). Зная склонность Пыпина к позитивистским методам исследования, после данного замечания следовало бы ожидать простого изложения суммы накопленных в изучаемой области данных. И в основном он, действительно, следует этому принципу, хотя, в то же время, для него весьма важными и существенными являются как практическая, эмпирическая, так и аналитическая, критическая стороны научного познания, исключающие произвольные толкования фактов. «Великое значение науки, — писал Пыпин, — в том числе и этнографического знания, состоит в том, что, собирая и анализируя точные факты, она устраняет построения, хотя бы продиктованные наилучшими побуждениями, но произвольные или даже фантастические, и правильной критической оценкой фактов открывает путь здоровому идеализму, который может жить только в союзе с этой наукой и просвещением» (С. IV).

Свой труд Пыпин начинает вопросом: существует ли «белорусская этнография» как самостоятельная область знания и существует ли предмет для исследования — «самая белорусская народность»? Подобная постановка вопроса возникла не случайно, ибо в период польского восстания 1863 г. часть русского общества, мало знавшая историю, «внезапно увлеклась соображением, что этот край — русский», и данная версия «усердно пропагандировалась». Доказывалось не только то, что край этот — русский, но что [...] белорусская народность даже не существует», поскольку «составляет то же единое русское племя без всякого отличия от его коренной массы, что „Белоруссия“ есть только географический термин» (С. 3–4).

Чтобы каждому читателю стала очевидной обоснованность отдельного изучения «западной отрасли русского племени», автор предваряет этнографическую часть обширными «историческими замечаниями». Следует заметить, что обращение Пыпина к жанру научно-популярного обзора давало ему возможность в рамках чисто «ученого сочинения» затронуть не только сугубо научные, но и немаловажные общественно-политические аспекты «белорусского вопроса». Поэтому под термином «этнография» зачастую скрыты иные понятия: российское общество, общественное мнение, русская общественная мысль и проч.

Обозначив круг проблем, в которых нужно разобраться, Пыпин обращается к истории. Изложение ее дается в том же ключе, в той же последовательности, что и в предыдущих трудах. Однако, если внимательно вчитаться в текст, станет очевидным, что в трудах о славянских литературах Пыпин дает исторические факты таким образом, чтобы выявить их связь с литературным процессом, наиболее

выпукло показать, что литературные явления представляют собой отражение жизни. В труде по истории этнографии те же исторические сведения имеют несколько иной ракурс — дают возможность взглянуть на события прошедшего с точки зрения формирования белорусской народности и вопроса о национальной самобытности и самостоятельности белорусского народа. В своей книге Пыпин возвращается к этому вопросу неоднократно — в связи с рассмотрением условий, в которых в разные периоды велось изучение Белоруссии, или в связи с анализом тех или иных направлений белорусоведения и работ некоторых исследователей. Такие повторы (являющиеся типичным исследовательским приемом ученого), данные в разных контекстах, по всей вероятности, нужны были Пыпину для того, чтобы донести до общественности важность национального вопроса, в данном случае — проблем белорусского народа.

Пыпин напоминает, что племена, объединявшиеся на территории Древней Руси, имели много общего — этническое родство, религиозные верования, письменность, военные действия, торговые сношения, князей одной династии. Но эти племена имели и отличия, и после объединения они сохраняли «местные бытовые особенности» (С. 4–5).

Возражая некоторым «публицистам»⁶⁾, утверждавшим, что белорусы «составляют просто отрасль вполне сформированного уже в древности, цельного русского народа», Пыпин подчеркивал, что единого древнего «чисто русского» народа не было; он только начал складываться, когда внутренние и внешние события нарушили этот процесс. Со временем на северо-востоке образуется единое Московское государство, а запад и юго-запад оказываются под властью Литвы, которая испытывает влияние со стороны Польши (С. 5). Такое положение вело к разъединению и ослаблению «русского мира»; оказавшись в различных условиях существования, «зародыши племенной индивидуальности, которые могли бы стереться в общении с другими частями своего собственного родного целого, теперь начинают развиваться отдельно» и определяют те черты, которые составляют основу трех «отраслей русского племени». Образование этих народностей, напоминает Пыпин, «шло почти параллельно» (С. 6).

Поскольку одним из важных национальных признаков является язык, Пыпин обращает специальное внимание на вопрос о формировании белорусского языка. Он полагает, что в этом процессе внешние

⁶⁾ Заявленное автором в предисловии намерение ни с кем не спорить, никому не возражать было им оставлено на первых же страницах труда. То, что он цитирует «публицистов», а не ученых, свидетельствует о важности общественной значимости «белорусского вопроса».

причины (например, польское влияние) играли второстепенную роль, главное заключалось в давних «диалектических (диалектных. — Е.А.) отличиях», которые, как считал ученый, «были более обширны, чем нам теперь известно» (тем самым он указывал заодно и на неразработанность этого вопроса в науке). Эти языковые особенности, по мнению Пыпина, проявились уже в XI в., т.е. еще до польского влияния, которое было сильно «в белорусской письменности и книжности с XV–XVI века». Таким образом, делал вывод Пыпин, белорусский язык «не происходит от великорусского, а развивается одновременно с ним из близко родственных, но отдельных племенных элементов и в весьма различной политической и бытовой обстановке». При этом он считал, что отличий белорусского языка от великорусского гораздо меньше, чем украинского от великорусского, основываясь на положении о большей близости друг к другу северных русских племен — на востоке и западе (оговариваясь, вместе с тем, что степень родства определяют дальнейшие исследования) (С. 6).

Далее, упомянув об ареале распространения племен кривичей и дреговичей, составивших основу белорусского народа, Пыпин останавливается на том периоде истории, когда жизнь белорусских земель «пошла уже особняком», все больше теряя «прежнюю связь с массой русского восточного племени», все больше испытывая литовское и польское вмешательство, влияние католицизма и унии, польского политического строя, нравов и обычаев. Не соглашаясь с мнением славянофилов и других русских «патриотов», изображавших жизнь западных племен как сплошную череду насилий со стороны «чуждых элементов» и характеризовавших белорусский народ, покинутый «высшими сословиями», как «безгласную жертву», остававшуюся в таком положении, пока в дело не вмешалась «могущественная русская империя», Пыпин решительно заявлял, что в действительности «события шли не так внезапно и не одним путем насилия» (С. 7). В Литовском государстве «русская культура взяла верх». Соединившись с Польшей, Литовское княжество еще два века сохраняло свою «отдельность». Полонизаторские тенденции усиливаются с конца XVI в. и наносят «удар по формированию западнорусской народности». Полонизированные высшие и частично средние слои белорусского населения отдаляются от своего народа, а в следующих поколениях — совсем забывают о своих корнях. Народ частично был обращен в католицизм или унию, но в массе сберег свои обычаи, предание, язык, так что о поголовной «измене» говорить неправомерно. Однако, по мнению Пыпина, народ был слишком слаб, чтобы защищать свое достоинство (С. 8).

Успех полонизации Пыпин объяснял не только корыстным расчетом белорусского «высшего сословия», но и объективной причи-

ной — «более высокой степенью культуры» Польши (С. 9). Вместе с тем, в религиозной сфере велась борьба с православием на белорусских землях методом «ожесточенной религиозной нетерпимости». Но эта борьба имела не только отрицательные последствия. Как считал Пыпин (это мнение он высказывал и в более ранних трудах), «необходимость защиты православия от католицизма» привела к созданию «южной и западной русской школы и литературы» как выражению народного сопротивления. Несмотря на то, что школы были устроены по образцу католических учебных заведений, «в эти чужие формы было вложено самостоятельное содержание», отмечал Пыпин, и из новой школы выходили «просвещенные иерархи, создавшие обильную церковно-полемическую литературу», которая не уступала польской «по учености». Из этих школ выходили и «борцы за русскую народность в казацких восстаниях», в которых и Белая Русь принимала участие (С. 11). Вместе с тем, получили развитие «церковные братства, деятельность которых распространилась от Вильны до Киева и Львова и была сильным орудием самозащиты русского народа» (С. 10–11).

Отмечая «важность юго-западной школы для всего хода общерусского просвещения», Пыпин в то же время обращает внимание, что «образовательное движение» в XVI–XVII вв. «возникало совершенно независимо от России московской» (общим с Россией было одно — «старое православное предание»). Пыпин напоминает, что в начале XVI в. в Белой Руси Франциск Скорина делает попытку перевода Библии на «западное наречие» (основу перевода составляет белорусский язык в соединении с церковно-славянским и с большой примесью полонизмов и чехизмов) (С. 166), именно сюда бежит «первый русский типографщик» (Иван Федоров), «сюда уходит князь Курбский и примыкает к совершавшемуся здесь религиозно-полемическому и образовательному движению», здесь основывается ряд русских типографий и т. д. Это движение имело «местные» особенности, закреплявшиеся в течение нескольких веков (а не сложилось исключительно под польским влиянием, как думали в Москве) (С. 11–12).

Со второй половины XVII в., как отмечал Пыпин, Россия уделяла все большее внимание положению населения «юго-западного края» под польским владычеством. В конце XVIII в. произошли три раздела Польши. Не углубляясь в причины и оценку этих разделов, ученый, между тем, предлагает свою точку зрения на события той эпохи и роль России в них. По его мнению, Польшу нужно было оставить в ее этнографических границах и не отнимать «средства к внутреннему преобразованию», а Россия могла бы участвовать только в освобождении «того русского населения, которое чувствовало нарушен-

ными свои народные и религиозные права». Таким образом, Пыпин высказывается против насильственных действий в отношении Польши и насильственного «благоденствия» в отношении украинского и белорусского населения (С. 13–14). Показывая лицемерие тех, кто утверждал, что Россия участвовала в разделах Польши специально для освобождения от польского гнета украинцев и белорусов, Пыпин подчеркивал, что России чисто случайно, по «географической причине» отошла часть земель, «населенная русским племенем»; по той же причине Австрия «получила два, три миллиона русского населения, совершенно однородного с жителями Волыни и Подол(ь)я!» (С. 14) (т.е. Пыпин намекал на то, что их судьба была безразлична России, их она не собиралась освобождать).

«Таким образом, воссоединение русских земель, — продолжал Пыпин, раскрывая истинные цели разделов, — имело, по преимуществу, характер политический», далекий от «национального слияния». В XVIII в. о народных правах никто не думал, и под прикрытием «религиозного вопроса» решались иные задачи — «уничтожение беспокойного соседа и увеличение государственной территории» (С. 14–16).

Рассматривая новый этап в истории Белоруссии после присоединения белорусских земель к Российской империи, с точки зрения того, как в России воспринималось это «приращение», Пыпин отмечает, что отношение русского правительства к народу Западной России было полно «недоразумений», «раздражения», «взаимного непонимания» (С. 13). Белоруссия была «новой страной», о которой русское общество мало знало. На отсутствии интереса сказывалось «историческое разъединение», а идей «о народной солидарности [...] не существовало» (таким образом, Пыпин еще раз напоминает, что в те времена не было еще славянской идеи, во имя которой, якобы, как утверждали позже многие русские «патриоты», совершалось присоединение украинских и белорусских земель к России). Но в Белоруссии, замечает Пыпин, так же, как и в России, были помещики (из ополченных местных землевладельцев) и крестьяне, и русская администрация не преминула упрочить крепостное право на белорусских землях. Российские власти, руководствуясь в отношениях с белорусами не чувством «национального единства», а внешнеполитическими соображениями, не спешили наладить в Белоруссии «свою церковную жизнь» (т.е. не способствовали быстрому восстановлению православия), не уничтожили организации иезуитов (а вверили им воспитание белорусского юношества) и т.п. Белорусские территории сохраняли свои бытовые и культурные особенности и «в империи» не считались «тождественными с Россией» (С. 16–17, 21).

Пыпин подходит к вопросу и с другой стороны — с точки зрения того, что дало присоединение к России белорусскому народу⁷⁾. По сравнению с Украиной, пишет Пыпин, в Белоруссии «народная масса была гораздо более подавлена и не имела внешних способов сплотиться для сопротивления»; борьба за православие и народные права требовала поддержки России (С. 16).

Такое положение сохранялось двадцать лет; после второго и третьего разделов усилилось движение униатов к православию, хотя во многих случаях оно проходило «не без волнений и насилий». В восточной части Белоруссии православие стало преобладающим, уния оставалась в западной части, где сильнее ощущалось польско-католическое влияние (С. 18–19). При императоре Павле, продолжает исторический экскурс Пыпин, польским помещикам были возвращены конфискованные имения в Белоруссии, расширены их права и власть, большую свободу действий получили иезуиты (С. 19–20). При Александре I Польша получила конституцию и ожидала присоединения белорусских земель. Но после восстания 1830–1831 гг. конституция была уничтожена, а в 1839 г. отменена уния (С. 20).

Присоединение белорусских земель к России в результате разделов Польши, как отмечал Пыпин, вело к естественному слиянию населения Западного края с «основной русской массой», но оно не было «простым слиянием тождественных стихий», поскольку Западная Русь издавна была тесно связана с польской историей и культурным влиянием, которое ощущалось и после освобождения от польского владычества. Суммируя известные науке исторические сведения о развитии Западного края (привлекая также этнографические, культурологические и другие данные), Пыпин приходит к заключению, что «народность этого края» следует выделить «как особый оттенок русского национального целого» (т. е. он признает существование отдельного белорусского народа, который наряду с малорусским и великорусским входит в состав «русского племени») (С. 21).

В пробуждении интереса русского общества к белорусским землям в 60-х гг. Пыпин видел несколько причин. Был у этого интереса социальный аспект, связанный с эпохой падения крепостного права. То, что до этого времени в России не задавались вопросом о судьбе Белоруссии, Пыпин объясняет недостаточным знанием истории и отсутствием политической литературы и публицистики, помножен-

⁷⁾ При этом Пыпин опирается на фактический материал, изложенный в «Лекциях по истории Западной России» (1864) и других работах М. О. Кояловича. Пыпин делает оговорку, что специально приводит взгляды Кояловича «с оттенком белорусского антипольского раздражения», весьма популярные в определенных кругах (С. 19). Это направление получило в историографии название «западнорусизма».

ными на равнодушие. Но и без влияния этих факторов до второй половины 50-х гг. социальные проблемы Белоруссии были совершенно недоступны, поскольку русское общество «не имело голоса даже в собственных делах», и если бы и возникло желание заниматься «народными началами» (белорусскими или великорусскими), то не было таких возможностей; они обозначились лишь в период некоторой либерализации и реформирования «самой русской жизни», освобожденной от определенных «стеснений», когда появилась «некоторая свобода печати и совершилось освобождение крестьян» (С. 22).

Были и политические причины, лежавшие в основе внимания к Западному краю. О судьбе Белоруссии как «края русского», который нужно изучать, всерьез задумались лишь в связи с польским восстанием 1863 г., и политические задачи, как справедливо отмечал Пыпин, отразились на «истолковании» белорусского вопроса. Российские власти должны были опровергнуть притязания Польши (нашедшие отголоски в европейской печати и дипломатии) на белорусские земли (С. 22). Восстание было подавлено, проводились крутые административные меры по уничтожению польского землевладения в Западном крае, выселению «польского элемента» (этим занимались люди, по выражению Пыпина, «известного консервативного оттенка»). Политика обрусительства, или внедрения «русских начал» включала в себя и «мероприятия публицистические и ученые — в области археологии и этнографии». Восстановление русской народности в крае, писал ученый, носило принудительный характер и проводилось людьми из Петербурга и «внутренних губерний», не знакомыми с особенностями края и готовыми искоренять не только польское, но и «русское начало» (непохожее на внутрироссийское). Пыпин особо подчеркивал тот факт, что «политический и народно-общественный» белорусский вопрос невозможно было обсуждать в печати (С. 23, 66).

Но в то же время, политические потребности стимулировали общественный интерес и научное изучение Белоруссии. Именно к 60-м гг. относит Пыпин первые серьезные шаги в этнографическом изучении Западного края в России. Среди исследований, посвященных Белоруссии, были, по его оценке, «замечательные труды», хотя в целом в понимании положения этого края остались важные проблемы (С. 23–24). Тем не менее, сам ученый решил не ограничивать свое внимание трудами 60–80-х гг., но дать обзор работ по белорусской этнографии⁸⁾ (ответив тем самым положительно на поставлен-

⁸⁾ «Белорусская этнография» понимается Пыпиным в данном случае более широко, емко и включает не только собственно этнографические, но и исторические, географические, фольклористические и прочие работы, позволяющие изучить Белоруссию и ее народ.

ный им в начале труда вопрос о существовании белорусского народа и о наличии литературы, посвященной его изучению) за столетие, чтобы проследить не только как развивалось белорусоведение в рамках науки, но, главное, что характерно для Пыпина, как изменялось отношение русского общества к белорусскому вопросу (С. 24).

Не ставя перед собой задачу сделать подробный обзор труда Пыпина, остановимся лишь на некоторых, наиболее важных положениях его книги.

В самом начале Пыпин обращает внимание на то, что у ученых нет полной ясности в отношении истории и географии Белоруссии (не известно даже точно, когда впервые появилось название «Белая Русь») — на этот счет существуют разные мнения. Так, в географическом словаре³² к Белоруссии отнесены Витебская и Могилевская губернии, на этнографической же карте, изданной Русским географическим обществом³³, белорусская народность занимает огромные пространства Западного края (С. 25–26).

В период, последовавший за присоединением к России, в конце XVIII — начале XIX в., белорусские земли, отмечал Пыпин, не вызвали интереса в ученых кругах, поскольку этот край считался «чужим», польским. Такое отношение нашло отражение, например, в «Записках путешествия по западным провинциям Российского государства» (1803–1804) В. И. Севергина, который, очутившись, по словам Пыпина, в среде «польско-католической пропаганды», взглянул на Западный край «глазами польского дворянства и иезуитов» (С. 26–27).

Первые исследования белорусских земель как края польского, населенного особым (не тождественным русскому) народом («кривичанские» или «кревицкие славяне»), были проведены польскими учеными, в деятельности которых, по определению Пыпина, сказывалась «живая струя славянского народного романтизма» и «патриотические увлечения» (мысль о восстановлении Польши в границах до 1772 г.). Особо Пыпин отмечал деятельность в этой области Виленского университета, которая дала, по его мнению, «реальные обильные и наглядные» научные труды, часть из которых в переводе на русский язык появилась в России⁹⁾. Пыпин считал, что определенная тенденциозность исследований не мешала искреннему интересу польских ученых к изучаемому краю (С. 28–30).

Одним из исследовательских направлений был вопрос о белорусском языке. Русский библиограф В. С. Сопиков в труде «Опыт российской библиографии» (Т. 1. 1813) белорусским языком считал

⁹⁾ Рассматривая работы польских ученых, Пыпин значительно расширяет рамки обзора собственно «русской этнографии».

«наречие живших в Белоруссии и в Польше благочестивых греческого исповедания людей [...] Он есть смесь, составленная из языков: славянского, русского, польского, а частью и латинского»³⁴. По мнению польского филолога С. Линде, польский и белорусский языки сходные, разница заключается в грамматических окончаниях имен и глаголов (Пыпин на это замечает, что в книжном языке с XVI в. было много заимствований из польского языка, а между народным белорусским языком и польским не было такого сходства, которое отмечал Линде) (С. 31–33). Пыпин особо выделяет, что Линде не отождествлял белорусский язык ни с русским, ни с польским (С. 36). Относясь к белорусскому языку как к самостоятельному, Пыпин поясняет, что «при несомненном единстве происхождения и основных черт» белорусского и великорусского языков, первый имел свои местные отличия, испытал польское влияние, «склад речи» стал принимать польские обороты, а белорусский книжный язык пополнился, помимо польского, заимствованиями из латинского и немецкого языков (С. 36).

Второе и третье десятилетия XIX в. отмечены, по наблюдениям Пыпина, усилением интереса к «народности» и народной поэзии (С. 36). Изучение белорусской народности в это время начинают польские этнографы-любители (собиратели песен, преданий, исследователи быта, обрядов: З. Ходаковский, М. Чарновская, И. Шидловский и др.). Их работы иногда печатались в русских журналах, в которых время от времени появлялись также статьи об истории края, переводные или «составленные местными уроженцами с польским образованием и писавшими по-русски» (Ф. Чацкий, Г. Бандтке, К. Фалютынский, А. Мухлинский и др.)¹⁰ (С. 37).

В 30–40-х гг. XIX в. польские исследователи продолжали изучение Белоруссии «с польской точки зрения», которая, как подчеркивал Пыпин, не отличалась строго критическим подходом к материалу (Л. Голембёвский и др.). Так или иначе, изданные на польском языке труды Г. Бандтке, И. Лукашевича, М. Балинского, Т. Липинского и др. (по истории, исторической географии, статистике, археологии и пр.), в первой половине века были, по признанию Пыпина, «почти единственными источниками сведений о западном крае» для русского общества (С. 38–39).

В поле зрения Пыпина оказывается и польская эмигрантская литература. Так, подробно останавливаясь на сочинении А. Рыпинского «Białoruś» (Paryż, 1840), Пыпин отмечает, что автору очень хотелось бы народ «родной Белоруссии [...] видеть польским». Рыпинский считает белорусов по национальности и языку теми же поляками

¹⁰) Написание польских фамилий дается, как у Пыпина.

характеризует народ как «честный, но убогий»; соседи вели спор из-за Белоруссии, но она, якобы, сама выбрала Польшу, ненавидя все московское. Замечая, что этнографическим материалом книга Рупинского не богата, но и не отрицая того, что она содержит интересные «частности», Пыпин выявляет заложенное в ней существенное противоречие: с одной стороны, автор призывает изучать белорусскую народность (ее песни, танцы, музыку, обряды и проч.), а с другой стороны, не признает ее самостоятельность, «растворяет» ее в польской нации, тем самым «желает ей исчезнуть» (С. 41–44).

Определенным этапом в изучении белорусского народа явилось собирание и издание народных песен (что было общей чертой возрождения каждого славянского народа). К 30–40-м гг. XIX в. относятся песенные сборники Я. Чечота, проникнутые, по словам Пыпина, «народным романтизмом». В первых изданиях «*Piosenki wieśniacze...*» белорусские песни давались в польских переводах. В сборнике 1844 г. даны уже образцы подлинных белорусских песен, язык которых Чечот называл «славяно-кривицким». Отношение этого просветителя раннего периода национального возрождения к народу Пыпин называл «наивным». Это нашло отражение и в приемах публикации: понимая, что пьянство губительно действует на народ, он из текстов песен устранил все упоминания о водке, заменив ее медом и пивом. Однако такой произвол в обращении с источниками Пыпин объяснял тем, что составитель сборников недостаточно был знаком с этнографической наукой, оставаясь «искренним любителем» (С. 46–48, 55).

На примере Я. Чечота Пыпин как раз и показывал, как белорусоведение делало первые шаги, как методом проб и ошибок совершенствовалось методика исследований. Так, со временем Чечот понял, что собирать песни нужно самому исследователю, а не через посредников. В результате своей деятельности он пришел к выводу, что старинные обряды и песни сохранились благодаря крестьянам, но, в то же время, народная поэзия испытала «влияние поэзии украинской и польской», а позже начала подчиняться «влиянию народной поэзии российской» (С. 49–50).

Чечот понимал, что изучение белорусского языка — дело будущего, тем не менее, как подчеркивал Пыпин, он дал едва ли не первую характеристику этого языка, отмечая особенности его звуков и форм и определяя его положение как среднее между польским, российским и украинским (С. 49–51). Он считал сомнительным, что белорусский язык будет «письменным» и самостоятельным (С. 54). Но будучи истинным патриотом и просветителем, он наметил программу народоведческих исследований на перспективу: это и изучение сказок — «сокровищницы» народного языка и жизни, и сравнитель-

ное изучение пословиц, и описания обрядов, игр, домашнего быта, утвари, кушаний и т. д. (С. 53–54). Впрочем, для выполнения этой программы нужны были подготовленные люди, но сборник песен 1851 г. был издан таким же дилетантом, школьным учителем Р. Зенкевичем³⁵. Пыпин указывает, что наряду с польским переводом песен он дает белорусские оригиналы, но польскими буквами; помещает краткое описание обрядов, но без объяснения (С. 55–56).

Пятидесятые годы XIX в. — тот этап в изучении Белоруссии, на который Пыпин обращает специальное внимание, поскольку в это время, по его мнению, происходит «выделение особого местного элемента», т. е. появляются собственные исследователи Западной Руси, именуемой еще Литвой (Т. Нарбут, И. Ярошевич, И. Данилович, И. Крашевский, Н. Малиновский, К. Стадницкий и др.)¹¹). Их труды, по оценке Пыпина, содержали богатый материал, подход к которому не всегда был достаточно критичным; кроме того, работы большинства авторов сочетали местный патриотизм с «польской точкой зрения» (С. 39–40). Как бы то ни было, работы этих авторов, подчеркивал Пыпин, положили начало изучению Западного края как *самостоятельной области исследований*. Этими трудами пользовалась и русская историография, которая в середине века едва касалась западных территорий империи (С. 40–41).

Значительное усиление интереса к изучению западнорусских земель в период до начала 60-х гг. XIX в. Пыпин связывал с плеядой «местных исследователей», группировавшихся вокруг Виленского университета (И. Ярошевич, М. Балинский, Е. Тышкевич, Вл. Сырокомля и др.). Их исследования содержали исторические, географические, этнографические, статистические и иные сведения об отдельных уездах и губерниях, заметки о народном быте, о положении крестьян, образцы песен и т. д. (С. 57–58). Взгляды эпохи романтизма обусловили интерес к народным массам; и хотя эти массы были в основном не польской национальности, подчеркивал Пыпин, это не смущало «местных патриотов», испытывавших любовь «к исторической и бытовой особенности» своей родины, к народной среде и народным обычаям¹²). «Народно-романтическое направление» в литературе

¹¹) Таким образом, Пыпин, наряду с польской и русской, рассматривает и собственно белорусскую историографию, ее зарождение и дальнейшее развитие. Однако он не всегда четко разделяет польских исследователей, уроженцев Белоруссии и белорусских исследователей, писавших по-польски, называя и тех, и других «местным элементом».

¹²) Образованные поляки Западного края знали белорусский язык от нянек и домашней прислуги; некоторые паны (из белорусов) и многие мелкие дворяне говорили по-белорусски. (С. 59).

«совпало» с местным патриотизмом. На этом весьма необычном и интересном явлении в культуре края Пыпин решил остановиться подробнее, чтобы объяснить его суть.

В «местном патриотизме», писал ученый, соединились разнородные элементы: «этот патриотизм был „белорусский“, но сущность его была польская», поскольку сам народ воспринимался с польской точки зрения. Он «играл только служебную роль», полагалось, что его культура не будет иметь собственного развития, а призвана служить обогащению польской культуры; сам же белорусский народ считался принадлежащим к польской национальности. Пыпин, как бы отвергая возражения незримых оппонентов и стремясь к объективности, подчеркивал, что в подобной позиции нельзя видеть «злонамеренность польских патриотов», она была исторически обусловлена (С. 59). Польша (как и Россия) в ходе истории объединяла «инородные элементы» в одно целое с помощью государственной силы и «силы культурной» (белорус Сырокомля «украсил своим именем» польскую литературу). Белоруссия долго оставалась «в сфере польского культурного господства», даже тогда, когда Украина уже начала свой самостоятельный путь развития (С. 60).

Возникшая в 40-х гг. «белорусская литература» была белорусской, поясняет Пыпин, главным образом, территориально; на самом деле, это была польская литература, изображавшая природу, нравы и обычаи, местные особенности Белоруссии; «иногда она включала в себя и сочинения на белорусском языке. Словом, это была польская провинциальная литература» (С. 60). Ее пополняли своими произведениями К. Буйницкий, А. Гроза, Т. Лада-Заблоцкий и др. Наиболее популярен был Я. Барщевский (С. 61). Оценивая его вклад, Пыпин замечал, что рассказы этого писателя не так уж хороши: народный быт показан неглубоко, отношение к народу покровительственное, ничего не говорится «о социальном положении народа». Тем не менее, в свое время рассказы Барщевского, по словам Пыпина, были «любопытною новостью, приятною для местных патриотов изображениями быта их родины» (С. 62).

В 50-х гг. «местные патриоты» — В. Дунин-Марцинкевич, А. Даревский-Верига, Л. Кондратович (Сырокомля) и др. — стали больше сочинений писать на белорусском языке и делать переводы на него с польского и других языков. К началу 60-х гг., как отмечал Пыпин, стала появляться и иная литература на белорусском языке — «с политической тенденцией» в духе восстания (С. 62, 64).

В целом же, характеризуя «польско-белорусскую литературу» до-реформенного периода, Пыпин подчеркивал, что она представляла собой «отражение польского взгляда на западный край как на со-

ставную часть и польской территории и польской национальности». Только перед восстанием 1863 г. появляется «представление о более сложном характере этого края, где требовал себе внимания и своего права элемент народно-русский» (С. 64).

В русском обществе до 60-х гг. обращение к белорусской тематике, по словам Пыпина, было отрывочным и поверхностным. Тем не менее, ученый тщательнейшим образом собрал и представил в своем труде работы, так или иначе касавшиеся Белоруссии, с 1780 г. (в этом году в С.-Петербурге вышел путеводитель «Топографические примечания на знатнейшие места путешествия Ее Императорского Величества в Белорусские наместничества», в котором наряду с географическими описаниями давались исторические сведения, вплоть до изображения мрачными красками жизни под польским владычеством и сообщений об обретении Россией вновь некогда потерянных земель; вместе с тем, о «русских свойствах населения и его быте» сказано мало) (С. 66).

Следующий эпизод проявления интереса к Белоруссии Пыпин связывает с 20–30-ми гг., когда в русских журналах появляются отдельные этнографические сведения, почерпнутые из польских источников Западного края (С. 67).

К этому же времени он относит появление исторических исследований, в которых русская наука, по его мнению, заняла самостоятельное место. Ученый объясняет это тем, что для русского историка белорусская «старина» доступна и понятна — «это была естественная составная часть древнего русского целого». Понимание общего исторического прошлого было у Н. М. Карамзина. Исторические, филологические, археологические разыскания К. Ф. Калайдовича, А. Х. Востокова, А. Ф. Малиновского и других «расширяли горизонт русской историографии и [...] в сторону западного края» (С. 68). В 1824 г. при поддержке графа Н. П. Румянцева увидел свет подготовленный к изданию И. Григоровичем «Белорусский архив древних грамот» (М., 1824). Это было, по оценке Пыпина, первое обращение к источникам западнорусской истории. Кроме того, Григорович занимался составлением белорусского словаря. Пыпин определил его труды как «подготовительные», а представления о языке — неопределенные и неточные (С. 69–70).

В 30–40-е гг., замечал Пыпин, исследования о Белоруссии «были все еще скудны». Несколько статей и заметок этнографического и фольклорного характера, а также о памятниках письменности (В. Васильева, А. Васковского, А. Кавелина, П. Кулиша и др.) были опубликованы в журналах «Маяк», «Москвитянин», газете «Московские ведомости». Из путевых «Заметок о Белоруссии» Н. С. Щукина³⁶ Пыпин выделяет замечание автора о том, что Белоруссия плохо исследована и еще хуже описана (С. 70–72).

В то же время, в 40-е гг. были сделаны первые шаги в направлении создания базы источников, которые составляют основу научных исследований. Начало собиранию и публикации материалов, имеющих значение для изучения Белоруссии, положили издания Петербургской Археографической комиссии, подготовленные при участии И. Григоровича³⁷, а также документальные собрания, вышедшие в Белоруссии (при активной помощи местных любителей истории)³⁸, в том числе издание по Минской губернии³⁹ (С. 126–127).

Следующим шагом на пути изучения Белоруссии, как отмечал Пыпин, были статьи по статистике, этнографии, истории и географии, публиковавшиеся в начавших издаваться с 50-х гг. «губернских ведомостях» и «памятных книжках». В изданиях Виленской губернии было опубликовано немало работ А. Киркора (С. 72). В этот же период в «толстых» русских журналах печатаются серии статей, а в 1853 г. выходит сборник «Белорусские пословицы» П. М. Шпилевского, этнографа-самоучки, детство которого прошло в белорусской глубинке. «Белорусское племя» он считал, писал Пыпин, «едва ли не древнейшим из славянских племен и самым древним из племен русских» (С. 76). Его «простодушные» (по определению Пыпина) работы содержали пересказ белорусских преданий, описание обрядов и обычаев, а также призыв к изучению народного творчества «единоплеменных собратьев» (С. 72–73). Этот интерес автора к народному творчеству Пыпин называет «народно-романтическим», значение научного изучения «осталось ему не ясно», многое в его работах «не имеет достаточной научной достоверности», а методы сбора, обработки и подачи материала подчас не вызывают доверия (С. 74–75). Зато статьи Шпилевского о путешествии по Белоруссии⁴⁰, содержащие описания городов и местечек, картины природы, исторические и археологические сведения, по мнению Пыпина, написаны легко и занимательно, они отличались новизной для своего времени, да и позже оставались актуальными (С. 76).

В 50-е гг. Пыпин выделяет еще одно издание — первое отдельное собрание белорусских песен⁴¹, которое при всех отмеченных им недостатках интересно тем, что для передачи белорусского языка в нем употреблен русский алфавит (в то время это было «новостью») (С. 77).

В это же время делаются попытки исторического изучения Белоруссии. Из работ, представляющих собой «самые общие обзоры политической и церковной истории Западного края», Пыпин упоминает книги И. Боричевского⁴² и О. Турчиновича⁴³ (в работе которого история Белоруссии впервые выступает в качестве предмета самостоятельного исследования). Сведения по истории Белоруссии, наряду со статистическими, этнографическими и другими данными,

содержались и в книге М. О. Без-Корниловича⁴⁴ (С. 78–79). Немало исторических подробностей можно было найти и в изданиях краеведческого характера (например, в книге А. М. Сементовского «Витебск и уездные города Витебской губернии». СПб., 1864) (С. 138).

В те же 50-е гг. белорусская тематика, по наблюдению Пыпина, стала проникать в издания ученых обществ и научных организаций. Так, в «Этнографическом сборнике» Русского географического общества печатались статьи М. Юркевича, А. Киркора и др.; в «Известиях» ОРЯС Академии наук помещались материалы И. Микуцкого, И. Носовича, П. Шпилевского. Это были публикации о белорусском народе, его языке, обычаях, народном творчестве, содержащие также исторические, географические и иные сведения, полученные из разных источников, в том числе и от жителей Западного края (С. 77–78).

Тем не менее, все работы о Западном крае до 60-х гг., которые упоминал Пыпин, были отрывочными и зачастую бессистемными обращениями к белорусской тематике. Русское общество до конца 50-х гг. «было почти чуждо западнорусскому вопросу», считая Западный край наполовину польским (С. 66). Появлявшиеся в русской печати работы, затрагивавшие белорусскую тематику, как видно из приведенных примеров, в основном принадлежали уроженцам Белоруссии. Реформы 60-х гг., писал ученый, «расширили горизонт исторический и этнографический, а затем и сознание национальное», подняли вопрос о «юридическом и социальном положении» белорусского народа (С. 66, 87).

В 60-е гг., по мнению Пыпина, произошел «резкий поворот» в изучении Белоруссии. В первую очередь, он коснулся русской науки, которая должна была представить в исследованиях западные губернии как русский край. Это было новое (после событий конца XVIII в.) «„воссоединение“ западного края с русским центром». С 60-х гг., в результате административной политики, проводимой на белорусских землях, был поднят вопрос о «воссоединении русской народности», тогда как почти за столетие совместного существования об этом не было и речи, и «национальные инстинкты» никак себя не проявляли. Высказывая свою точку зрения, Пыпин обращал внимание на то, что искусственным, насильственным путем объединение не может осуществиться: «Слияние возможно лишь тогда, когда для него работают не одни внешние, но и внутренние силы, не только политические, но и общественные, народные, образовательные» (С. 65–66).

«В это время, — писал Пыпин, — русское общество в первый раз узнало с достоверностью об этнографическом составе западного края и получило понятие об его истории». Хотя, в то же время, замечал ученый, вопрос об этом крае часто ставился «с такой крайней нетерпимостью, которая исключала беспристрастие и спокойную оценку

фактов» (С. 87). «Настоящее национальное достоинство», по убеждению Пыпина, заключается не в том, чтобы «с полемическим озлоблением» доказывать, что в Белоруссии живет «русский народ», а в том, чтобы после подавления восстания, руководствуясь «простым человеческим чувством», не издеваться «над побежденным и слабым неприятелем» (С. 88).

Подобная травля польских повстанцев претила Пыпину, но была вполне в духе выступлений славянофильской газеты «День», которая давала пример не научного, а определенного публицистически-полемического стиля обращения к белорусскому вопросу. Славянофилы калялись, что «забыли» о существовании Белоруссии, в которой, несмотря ни на что, сохранились «предания православия и память о единстве со всею великою Русью»; нападали на поляков и ополяченную шляхту — «отступников» и «врагов народа», тем самым продолжая в литературе те же репрессии, которые наполняли политическую сферу. Подводя итог «патриотической» деятельности славянофилов, Пыпин отмечал, что это направление потеряло «всякое нравственное достоинство» и оставило «вредные последствия и для западного края, и для самого русского общества» (С. 88–89).

Формированием соответствующего общественного мнения в отношении Белоруссии занимался и специально учрежденный журнал «Вестник Юго-Западной и Западной России», с 1862 г. выходивший в Киеве, а с 1864 по 1871 г. — в Вильно под названием «Вестник Западной России» (ред. К. А. Говорский). Пыпин обращал внимание на то, что журнал имел антипольскую и антикатолическую направленность и с этой точки зрения излагал историю края и публиковал документы. «Вестник» неодобрительно относился к народному образованию (исключая церковное). Оценивая деятельность этого журнала, Пыпин заметил, что, защищая «западнорусскую народность», «Вестник» «стал одним из таких друзей, которые бывают хуже врагов» (С. 90–91, 94). Журнал поддерживал обрусительскую политику, полемика с ним была бесполезна и небезопасна (С. 95, 97).

Обращая внимание на документальные публикации того времени и более поздние, Пыпин не мог не заметить, что, с одной стороны, они создавали источниковую базу для изучения прошлого белорусского народа, а с другой, — нередко служили политическим целям и использовались как «полемическое оружие против поляков». Специальную подборку материалов, «обличающих» поляков, издал К. А. Говорский⁴⁵. Подобной цели было подчинено подготовленное археографической комиссией издание «Документы, объясняющие историю Западно-Русского края и его отношения к России и к Польше» (СПб., 1865), с предисловием М. О. Кояловича.

Как ответ на «социальный заказ» в 1864 г. в Петербурге были изданы два этнографических атласа, подготовленные по материалам МВД и других центральных ведомств. Пыпин отмечал, что в атласе Р. Ф. Эркerta («Взгляд на историю и этнографию западных губерний России») этнический состав населения западных губерний определялся, исходя из вероисповедного и языкового принципа (С. 102–103). В предисловии к атласу А. Ф. Риттиха («Атлас народонаселения западно-русского края по исповеданиям») подчеркивалось, что население Западного края «составляет в религиозном, племенном и историческом отношениях неотъемлемую органическую часть русского государства». Приводя эту цитату, Пыпин, в свою очередь, видимо, хотел обратить внимание на то, что эти работы, призванные «устранить недостаточность сведений» о белорусских землях, не совсем справились с этой задачей (С. 104). Принципы, взятые в них за основу исследований, и полученные данные подвергались заслуженной критике, хотя и позиции оппонентов (М. Коялович, П. Бобровский) тоже были уязвимы (С. 105–110).

Работу М. Лебединка⁴⁶ нельзя было назвать научной, но она оказалась столь курьезной, что Пыпин не мог не упомянуть о ней. Автор смешал статистические данные XIX в. с «летописными известиями о древних жителях края» и «с достоверностью» вычислил количество проживающих в Западном крае полян, древлян, кривичей, волынян, тиверцев, угличей, ятвягов и др. (С. 105).

Возвращаясь к публицистике, Пыпин отмечал, что «обрусение», на котором настаивала «патриотическая» печать России и которое имело антипольскую направленность, было нелепо по отношению к «западно-русскому» краю. Публицисты «Московских ведомостей» (1864, № 126) писали о недостаточности официальных мер и о необходимости «нравственного завоевания» Западного края, оказания помощи русским училищам и русской церкви (С. 110–111). Пыпин соглашался с посылкой газеты, что объединение Западного края с Россией невозможно «одними канцелярскими и военно-административными мерами»; такое внешнее единство не устраняет внутреннего равнодушия, «разлада и взаимного непонимания» (С. 112). Пыпин напоминал, что русские чиновники шли на службу в Западный край только за большую зарплату и не стремились добиться «нравственного объединения», а зачастую вызывали своей деятельностью отталкивающие чувства у местного населения и подрывали доверие белорусов к русской власти (С. 113). Но способы выхода из этого положения Пыпин видел не в посылке туда «добровольцев», готовых к «тяжелой борьбе» за «укоренение православия» и «добровольное усвоение русского языка и русской литературы», а прежде всего в

том, чтобы белорусский вопрос в русском обществе «мог быть обсужден с его разных сторон, обсужден искренно и открыто». Однако на деле этого не было: с одной стороны, консервативно-реакционная часть общества обвиняла в «измене» всех, кто высказывал мнение, отличное от ее точки зрения; с другой стороны, управление Западным краем велось с «диктаторскими полномочиями», которые делали его закрытым «от общественного мнения» (С. 112). Определяя положение дел в тогдашней печати, Пыпин подчеркивал, что «западнорусский вопрос» был представлен в ней очень односторонне (С. 97).

Как пример обрусительской политики в сфере культуры, Пыпин приводит историю «преобразования» Виленского музея древностей. Основанный в 1856 г. известным археологом Е. Тышкевичем, музей представлял «старину» края с «польской точки зрения». Это было вполне естественно для «местных патриотов», поскольку, по словам Пыпина, «историческая и этнографическая принадлежность края была темным вопросом для самих русских исследователей» (С. 114). В 1865 г. отношение к музею со стороны властей резко изменилось: было признано, что он служил «поддержанию в здешнем населении и обществе превратных понятий о том, что край этот есть край польский, а не русский», и о том, что Польша имеет все права на него. Специальная комиссия исключила из экспозиции все предметы «польской эпохи». Подобный подход Пыпин считал ненаучным, так как в результате образовывался пробел в изучении истории края. Действия комиссии ученый охарактеризовал как боязнь, «неприличную для господствующей власти». Историю Виленского музея Пыпин считал типичной, отражавшей преобладавшие в России антипольские настроения (С. 115–120).

В этом же духе было подготовлено и издано несколько трудов. К ним Пыпин относит «Сборник памятников народного творчества в северо-западном крае» (Вып. 1. Вильна, 1867). В предисловии к сборнику даны, по определению Пыпина, «отрывочные и бессвязные сведения» об истории края, о народном творчестве, о белорусском языке и т. д. «Научное значение этих сведений», взятых «из вторых рук», по снисходительной оценке ученого, «очень умеренное», поскольку они подчинены основной задаче издания — «войне против врагов русской народности» (С. 121).

Свой вклад в изучение Белоруссии внесли и официальные власти. Как отмечал Пыпин, в конце 50-х гг. Генеральный штаб издал инструкции и программы для сбора географических и статистических сведений о губерниях России. В рамках этой программы с 1861 г. стали выходить подготовленные офицерами Генерального штаба издания по отдельным губерниям, в том числе Западного края

(Виленской, Гродненской, Минской)⁴⁷. Снабженные картами, эти книги содержали более разнообразные сведения об отдельных белорусских землях — исторические, географические, этнографические, статистические, данные о промышленности и торговле, об образовании, религии и т. п. Материалы доставлялись губернскими статистическими комитетами и другими официальными ведомствами. Пыпин отмечал обстоятельность этих трудов, при том, что «неопытность в этнографии», отсутствие специальной научной подготовки их составителей приводили к разного рода недочетам, неясным и запутанным определениям, бездоказательным положениям и т. д. Политическая обстановка также наложила отпечаток на выводы авторов (в отношении «национальной принадлежности» белорусских земель и «роли полонизма» в Западном крае) (С. 80–83).

Наиболее плодотворным временем для изучения Белоруссии Пыпин считал 70–80-е гг. В это время, как отмечал Пыпин, мнимо научные труды предшествующего периода сменились трудами, выполненными с любовью к народу и «стремлением найти историческую истину» (С. 125)¹³.

Основу научного исследования составляют источники. На них, в первую очередь, и обращает внимание Пыпин. Немалую роль в собирании и издании материалов по истории Западного края играли Виленский архив древних актов и Виленская археографическая комиссия⁴⁸, Центральный архив в Витебске⁴⁹. Особая комиссия при Виленском учебном округе издавала «Археографические сборники документов, относящихся к истории северо-западной Руси»⁵⁰. В Петербурге осуществлялось издание «Актов, относящихся к истории Южной и Западной России»⁵¹ (С. 128–129).

Много документов впервые введено в научный оборот уроженцем Витебской губернии, учителем гимназии А. П. Сапуновым⁵², которого Пыпин называл «ревностным исследователем местной истории» (Пыпин не только характеризовал издания, относящиеся к Белоруссии, но и давал некоторые биографические сведения об авторах, собирателях и издателях) (С. 129–130).

Некоторые публикации продолжали тенденции, характерные для изданий 60-х гг. (с их антипольской направленностью). Таково было «роскошное» (по определению Пыпина) издание П. Н. Батюшкова

¹³) Не будем забывать, что в 70-е гг. активно развивалось народническое движение, и народническое направление в историографии занимало довольно прочные позиции. Пыпин положительно оценивал изучение представителями этого направления различных сторон жизни народа (История русской литературы. Т. IV. СПб., 1907. С. 629; *Балыкин Д. А.* А. Н. Пыпин как исследователь течений русской общественной мысли. Брянск, 1996. С. 122).

«Памятники русской старины в западных губерниях»⁵³ и некоторые другие. Последнее издание содержало планы городов, рисунки развалин, остатков фресок и надписей с историческим комментарием, детальную историю Вильны, материалы об истории западнорусского книгопечатания. Несмотря на то, что это издание «вызвано полемическими целями», по мнению Пыпина, оно представляло собой полезный вклад в «небогатую историческую литературу о западной России» (С.130–131, 133–134).

Обозначая свое несогласие с официальной позицией в польском вопросе, Пыпин осторожно замечал, что «польская точка зрения» на судьбу Западного края — не всегда «преднамеренная ложь», а вот «обличения „польской интриги“ имеют вид позднего мщения за собственное забвение о западно-русской окраине». К тому же, уточнял ученый, исторически не совсем правомерно говорить о присущих этому краю «русских началах», так как с XIV по XVIII в. историческая жизнь западной Руси шла отдельно от Руси восточной (С. 132).

Рассуждая об антипольской, русификаторской политике, Пыпин напоминал, что как бы недоброжелательно ни относились в России к полякам, приходится учитывать их принадлежность «к тому славянскому племени, в котором для нас предполагается возвышенная „миссия“». К тому же вражда с поляками вообще отрицательно сказывается на отношениях России с другими славянами (С. 135).

Из общих трудов по истории Белоруссии Пыпин называет работы М.В.Довнар-Запольского⁵⁴, Н.П.Дашкевича⁵⁵, Н.И.Петрова⁵⁶. Церковной истории посвящены работы И. А. Чистовича⁵⁷, П. О. Бобровского⁵⁸ и др. Исторические подробности содержали также губернские краеведческие издания⁵⁹ (С. 137–138).

Среди других авторов Пыпин выделяет в своем обзоре «наиболее ревностного деятеля западно-русской историографии», профессора Петербургской духовной академии, уроженца Гродненской губернии М. О. Кояловича. Характеризуя позицию этого ученого, Пыпин обратил внимание на его сотрудничество со славянофильскими изданиями «День», «Москва», «Русь» и на то, что он является горячим «защитником национальных интересов своей родины против польских притязаний» (С. 138–139). Напоминая об участии Кояловича в изданиях Археографической комиссии, посвященных Западному краю, и о его книге «История воссоединения западно-русских униатов старых времен» (СПб., 1873), Пыпин подчеркивает, что автор «не отличался умеренностью в своих суждениях» (С. 139).

Переходя к работам о белорусском языке и памятниках письменности, Пыпин прежде всего подчеркивал, что в изучении этого языка делаются только первые шаги. В этой области он отмечает «обстоя-

тельные исследования» П. В. Владимирова⁶⁰, а также труды А. Н. Веселовского⁶¹ и А. С. Архангельского⁶² (С. 139–140).

Наиболее подробно Пыпин рассматривал этнографические труды 70–80-х гг. XIX в. (т. е. широкий спектр работ, изучающих самые разные стороны жизни белорусского народа). Большое внимание он уделяет изданию П. Бессонова «Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта» (М., 1871). Автор, как указывает Пыпин, был в 60-е гг. на службе в Западном крае, и то, как внедрялись там «русские начала», «не казалось ему правильным», он видел недостаток внимания «к народно-историческому характеру северо-западной Руси», равнодушие и нежелание понять этот край. Напоминая, что «теории и ученые мнения» Бессонова нередко «абсолютно несостоятельные», Пыпин в то же время подчеркивал, что он видел народную жизнь в «широком разнообразии ее проявлений». Он считал, что сепаратизм возникает тогда, когда силой внедряется что-то чуждое, и потому полагал, что подъем и развитие белорусской народности возможны только на «местной почве», собственными силами народа. Правда, отмечал Пыпин, Бессонов не считал реальным развитие литературы на белорусском языке, поскольку, по его мнению, время для ее создания упущено — белорусские литературные произведения будут написаны на русском языке, но они должны иметь в основе «местную стихию», «местный материал». Именно такой подход, учитывающий белорусскую специфику, должен быть во всей воспитательной, образовательной, культурно-просветительной деятельности в крае (С. 141–144). Для Пыпина особенно важным является то, что мнение Бессонова звучало в противовес толкам об обрусении края и что он «вступился за местную народность», которая составляла «исторический оттенок целого племени». Взгляд Бессонова на белорусский народ Пыпин считал «справедливым», но в то же время называл его «гласом вопиющего в пустыне» (С. 145).

Этнографические и экономико-статистические исследования Западного края были предприняты Русским географическим обществом (РГО). С конца 1860-х гг. проводились экспедиции в Белорусские губернии. Но исследователи, которые, по наблюдению Пыпина, были в основном людьми, не связанными с этим краем, столкнулись с явлением довольно сильного обрусения края, в результате которого все нерусское стало «прятаться в скорлупу, и ученым трудно было выявить проявления местной жизни» (С. 146–148).

В то же самое время, независимо от программ РГО, работали белорусские этнографы, но их усилия, по словам Пыпина, остались разъединенными, а уровень их научной подготовки позволял им вести

сбор материала, но «без должного исторического и филологического освещения». «Старейшим собирателем» Пыпин называет И. И. Носовича и довольно подробно освещает его деятельность, опираясь на сведения, полученные от его сына (поскольку современная Пыпину литература, по его собственному признанию, данных о Носовиче не содержала). Родом из Могилевской губернии, Носович работал там учителем, а после ухода со службы занялся изучением народной поэзии и народного языка. Первые его работы увидели свет (по инициативе И. И. Срезневского) в начале 1850-х гг. в «Известиях» ОРЯС. В 1870 г. в Петербурге вышел «Словарь белорусского наречия», по оценке Пыпина, первый и единственный обширный труд такого рода, над которым автор работал 16 лет. Материалом для словаря, содержащего более 30 тысяч слов, служили: живой язык, народная поэзия, старые письменные акты и т. д. (С. 148–150).

Пыпин отмечал также, что в качестве составителя Носович подготовил ряд сборников пословиц, загадок, песен⁶³. Изучая обрядовые, бытовые и другие народные песни, Носович приводил доказательства в пользу их древности, утверждая, в частности, что белорусское наречие было языком не только простых людей, но и высшего класса (Пыпин полагает, что этот факт и так известен и не требует доказательств с помощью белорусских песен). В целом, суждения Носовича о старинных песнях Пыпин считает верными и «не лишними интереса» (С. 151–153).

Среди «местных» исследователей народного быта Пыпин отмечает Ю. Ф. Крачковского, книга которого о быте белорусских крестьян⁶⁴ содержала описания трудовой жизни и сельских праздников, обрядов, обычаев, песен, одежды, пищи, народной медицины, поверий, суеверий, сказок и преданий. Кроме того, как указывал Пыпин, немало исследователей народного быта публиковали свои работы в местных изданиях Западного края (С. 154).

«Наиболее обширным собранием» белорусских песен Пыпин называет сборник П. В. Шейна¹⁴⁾ (см. сноску 24). Сам составитель сборника не был уроженцем Западного края, но довольно долго преподавал в Витебске и увлекся собиранием песен. Описывая состав материалов и принципы построения сборника, Пыпин дает понять, что это издание стоит на более высоком научном уровне, чем сборники, изданные в 40–50-х гг. XIX в. Песни в сборнике расположены

¹⁴⁾ П. В. Шейн был корреспондентом Пыпина; в письмах он постоянно жаловался на невозможность продолжать исследования из-за нехватки средств. Пыпин неоднократно добивался выдачи Шейну денежных пособий, помогал в организации его экспедиционных поездок, издании его книг (*Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика... С. 124, 126–127).

в «биографическо-календарном» порядке, который позволяет совмещать «течение личной жизни селянина и [...] последовательность народных праздников». Песни сопровождаются описанием обрядов, обычаев, праздников. Имеются указания, где и кем была записана каждая песня. К сборнику приложен словарь малоизвестных слов (С. 154–155). Эта книга получила, по словам Пыпина, благосклонные отзывы критики. Хотя другой исследователь Белоруссии, Е. Р. Романов, считал, что не нужно было помещать в сборнике духовные песни, не являющиеся произведениями устной народной поэзии (С. 155–156).

Отмечая выход первых частей другого издания, подготовленного П. В. Шейном, — «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края»⁶⁵ — Пыпин высказывает пожелание, чтобы этот труд был доведен до конца (к моменту выхода книги Пыпина было опубликовано две части первого тома), поскольку представленный в нем материал, по его мнению, «чрезвычайно важный для изучения белорусской народности» (С. 156–157).

Внимание Пыпина привлекла деятельность этнографа-самоучки, уроженца Могилевской губернии Е. Р. Романова, который работал над словарем белорусского языка, проводил археологические исследования, собирал этнографический материал, изучал народное творчество. Издававшийся им «Белорусский сборник»⁶⁶ представлял собой, по оценке Пыпина, очень богатое собрание песен, пословиц, загадок, сказок, заговоров и т. п. К недостаткам сборника Пыпин отнес непоследовательное расположение песен, отсутствие сопровождающих песни описаний обычаев и обрядов, соединение нескольких песенных строк в одну (из-за экономии средств на издание), вследствие чего утрачивался размер и стих¹⁵). Позиция Романова в отношении «псевдонародных, искусственных» произведений, за которые он критиковал П. В. Шейна и которые не включил в свой сборник, несмотря на их обилие, вызвала несогласие Пыпина. Последний считал, что «искусственные произведения» нередко проникают в народ, и их нужно учитывать, «чтобы получить полное понятие о составе народно-поэтического обихода, для истории самой песни». К момен-

¹⁵) После рецензии Пыпина на первые выпуски сборника (Вестник Европы. 1886. № 4. С. 883–887; 1888. № 1. С. 452–456) с критикой формы подачи материала Романов в письме Пыпину сообщал, что, работая учителем гимназии, издает труды за свой счет или на пожертвования местных меценатов, и у него нет средств печатать песни по всем правилам (См.: Мельц М. Я. А. Н. Пыпин и русская фольклористика... С. 122–123). В «Истории русской этнографии» Пыпин учел это обстоятельство. Дав биографию Романова, он подробно рассмотрел его работы, не снижая своих требований к методике публикации, но отметив материальные трудности, с которыми встречался исследователь (С. 162–166).

ту выхода книги Пыпина издание Романова не было завершено (издано пять выпусков), но обилие собранных автором материалов внушало Пыпину истинное уважение (С. 162–165).

Немало этнографического материала содержали описания той или иной губернии. Пыпин приводит в пример описание Могилевской губернии⁶⁷, в котором представлены, наряду с этнографическими, исторические, географические, статистические сведения, данные о промышленности, сельском хозяйстве, образовании, медицинском обслуживании в губернии (С. 158). Описание, по оценке Пыпина, составлено обстоятельно. Обширный этнографический отдел содержал сведения о составе населения, сословных группах; там представлены объективные материалы о различных сторонах народной жизни, позволяющие каждому делать собственные выводы (подобная методика издания была особенно близка Пыпину). Пристальное внимание уделено быту крестьян, в котором лучше сохранился «склад белорусской жизни и речи». Ко всем объективным данным этого издания, по мнению Пыпина, необходимо было бы еще добавить беспристрастную оценку результатов обрусительских мероприятий в губернии (С. 160–161).

В особый раздел Пыпин выделил работы, посвященные белорусскому языку, обстоятельное исследование которого, по его наблюдению, было начато лишь в 70–80-х гг. XIX в. Это «наречие», отмечал ученый, никогда не имело «самостоятельного литературного значения» (и оно отличается от литературного языка XVI–XVII вв.). Современные ему белорусские говоры (до тех пор мало изученные) не получили «литературной обработки», не стали литературным языком, что, как подчеркивал Пыпин, отличает белорусскую языковую ситуацию от украинской (С. 166–167).

Издание старинных документов и изучение народного языка позволили, как писал Пыпин, выявить лексический состав белорусского языка (упоминавшийся уже словарь И. И. Носовича, словарь Н. Горбачевского⁶⁸). Научные приемы в изучении белорусского языка Пыпин отмечает в работах А. Потебни⁶⁹, М. Колосова⁷⁰, К. Аппеля⁷¹, И. Недешева⁷², Е. Ф. Карского⁷³. Эти труды включали в себя сведения о современном языке и его исторической судьбе (С. 167–168).

Подводя итоги тому, что сделано исследователями Белоруссии в 70–80-х гг. XIX в., Пыпин писал: «В новейших трудах, касающихся Белоруссии, все более точно определяются исторические и племенные отношения населения, письменные остатки старого и подробности современного языка, собираются в изобилии памятники народного языка и словесности» (С. 171).

В заключение, суммируя все известные к началу 90-х гг. XIX в. и сконцентрированные в его исследовании сведения как о самой Бело-

руссии, ее народе и культуре, так и о процессе и результатах изучения белорусских земель, Пыпин сделал краткое резюме своего труда.

Белорусский народ исходит «из одного корня» с русским и украинским народами, но по своим «племенным свойствам» он сохранил бóльшую близость к великорусскому народу, однако и с «малорусским народом» он делил в течение многих веков «общую историческую судьбу». В религиозных верованиях белорусский народ «хранил давнее предание первого русского православия». Разобщенный с русским народом, белорусский народ «повел иное политическое существование и иное культурное развитие и понес на себе их последствия» (польско-католическое влияние и притеснения). Однако «его культурные приобретения помогли ему в борьбе за свою народную личность и старое церковное предание» в XVI–XVII вв. (С. 172).

Белорусские земли присоединены к России в конце XVIII в., но фактически еще долго оставались под польским владычеством. Русское общество почти ничего не знало о Белоруссии. «Освобождение крестьян в первый раз открыло для русского общества в полной мере вопрос о *белорусском народе*, с которым, однако, еще предстояло познакомиться, потому что о нем недоставало иногда даже элементарных сведений» (С. 173).

Польское восстание 1863–1864 гг. усилило интерес к Западному краю, но суть белорусского вопроса многими понималась неправильно. Антипольски настроенные русские «патриотические публицисты» постоянно повторяли о незнании или забвении русским обществом белорусского народа, называли его «истинно русским» и при этом твердили о необходимости «обрусения» края. Военное положение, введенное во время восстания, надолго осталось в крае, мешая свободному развитию «местной жизни» со всеми ее особенностями, что не могло не нанести, по убеждению Пыпина, ущерб «государственному интересу» России, ибо только «в успехах этой жизни заключено ручательство здорового, цельного развития общественности, народности и самого государства» (С. 173).

Показав, как шел процесс изучения Белоруссии на протяжении столетия, Пыпин не подвел его итоги, поскольку настоящее научное изучение только разворачивалось. Сам ученый внес в этот процесс немалый вклад. В обобщающих трудах о славянских литературах он лишь вскользь касался белорусской темы, но и в них уже высказал свои взгляды на исторический и культурный путь, пройденный белорусским народом. Эти взгляды не претерпели принципиальных изменений с годами. В фундаментальном исследовании об истории русской этнографии он уже рассматривал Белоруссию как специальный объект научного изучения, утверждая белорусоведение в качестве

самостоятельной области знания. Заслуги Пыпина в этом отношении не получили должной оценки. В исследовании о Белоруссии ученый сконцентрировал материалы разных наук, относящиеся к белорусским землям — истории, филологии, этнографии, географии, статистики и др. Ему удалось систематизировать немалую по объему литературу, затрагивающую белорусскую тематику. Он впервые обозначил периоды развития белорусоведческих исследований, показав, что было характерно для каждого из них. Он дал достаточно полный историографический обзор того, что сделано до 90-х гг. XIX в. в области изучения белорусских земель и белорусского народа (автор знакомит с биографиями исследователей, содержанием их работ, отмечая достоинства и недостатки и определяя вклад в науку и т. д.). Труд содержит в то же время обширный библиографический перечень работ о Белоруссии (правда, библиографическое описание не во всех случаях отличается исчерпывающей полнотой). Пыпин не выделял различные историографические направления, но нередко указывал на общественно-политические взгляды и научные позиции исследователей. Пыпин постарался выделить польскую, белорусскую и русскую линии изучения, но ввиду объективных сложностей подобной дифференциации, ему не всегда удавалось четко их проследить. Приведенные ученым сведения позволяют сделать вывод, что изучение Белоруссии велось в основном «местными» исследователями или «выходцами» из Белоруссии.

Наряду с обзором работ о Белоруссии, Пыпин представил собственное видение белорусской истории, наглядно показал состояние «белорусского вопроса» в Российской империи и отношение к нему общества. Пыпин не был сторонником радикального решения национальных проблем; вполне в либеральном духе он призывал к широкому и непредвзятому общественному обсуждению белорусского вопроса, отводя в этом деле важную роль науке.

В исследовании о Белоруссии Пыпин так же, как и в других работах, применял историко-сравнительный метод и старался освещать исследуемый предмет объективно, не навязывая читателям свои мнения и оценки, которые, тем не менее, все же пробиваются сквозь толщу беспристрастных данных. Пыпин считал, что остается еще большой простор для дальнейших, более углубленных научных исследований Белоруссии, особенно в области этнографии и лингвистики.

Работа Пыпина поражает насыщенностью всевозможными сведениями, фактами, именами. Прокладывая дорогу будущим исследователям, этот труд остается первым крупным, обобщающим сочинением, в котором рассмотрена история изучения белорусского народа в XIX в.

В целом, все работы А. Н. Пыпина, в которых так или иначе затрагивается тема Белоруссии, от кратких упоминаний до развернутого сводного исследования, отличается прогрессивная постановка белорусского вопроса.

Примечания

- 1 Карев Д. В. Белорусская историография конца XVIII — нач. XX веков (Политика царизма и формирование исторической науки в Белоруссии) // Наш радавод. Гродна, 1993. Кн. 5. Ч. II. С. 272.
- 2 Пытин А. Н. История русской этнографии. СПб., 1892. Т. IV. Белоруссия и Сибирь.
- 3 Пытин А. Н., Спасович В. Д. Обзор истории славянских литератур. СПб., 1865 (Спасовичу принадлежит глава о польской литературе).
- 4 Там же. С. 5.
- 5 Там же. С. 6.
- 6 Там же. С. 14.
- 7 Там же. С. 26.
- 8 Там же. С. 29.
- 9 Там же. С. 170.
- 10 Там же. С. 209.
- 11 Там же. С. 171, 214.
- 12 Там же. С. 170–171.
- 13 Там же. С. 182, 214–215.
- 14 Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. СПб., 1879–1881. Т. 1–2.
- 15 Там же. Т. 1. С. 3.
- 16 Там же. С. 16.
- 17 Там же. С. 19.
- 18 Бессонов П. А. Белорусские песни с подробными объяснениями их творчества и языка, с очерками народного обряда, обычая и всего быта. М., 1871.
- 19 Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 401–402.
- 20 Варшава, 1807–1814. Т. 1–6.
- 21 Пытин А. Н., Спасович В. Д. История славянских литератур. Т. 1. С. 402.
- 22 Там же.
- 23 Там же. С. 403.
- 24 Там же. С. 403–404.
- 25 Там же. С. 404.
- 26 Шейн П. В. Белорусские народные песни с относящимися к ним обрядами, обычаями и суевериями, с приложением объяснительного словаря грамматических примечаний. СПб., 1874.

- 27 *Пытин А. Н., Спасович В. Д.* История славянских литератур. Т. 1. С. 405.
- 28 См.: Вестник Европы. 1886. № 4. С. 883–887; 1888. № 1. С. 452–456; 1890. № 5. С. 392–395; и др. См. также: *Мельц М. Я.* Русские фольклористы-библиографы конца XIX — начала XX в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. V. М., 1971. С. 80.
- 29 *Пытин А. Н.* Белорусская этнография // Вестник Европы. 1887. № 4. С. 644–686; № 5. С. 211–252; № 6. С. 640–681; № 7. С. 184–226.
- 30 *Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика конца XIX — начала XX в. // Очерки истории русской этнографии, фольклористики и антропологии. Вып. II. М., 1963. С. 106, 122–124.
- 31 *Пытин А. Н.* История русской этнографии. Т. 4. С. III (далее ссылки на это издание даются в тексте статьи).
- 32 Географическо-статистический словарь Российской империи / Сост. П. Семенов. СПб., 1863. Т. 1.
- 33 *Миркович М. Ф.* Этнографическая карта славянских народностей. СПб., 1875. В качестве дополнения к карте вместе с ней издано: *Будилович А. С.* Статистические таблицы распределения славян.
- 34 Цит. по: *Пытин А. Н.* История русской этнографии. С. 31.
- 35 *Zienkiewicz R.* Piosenki gminne ludu Piskiego. Kowno, 1851.
- 36 Журнал Министерства внутренних дел. 1846. Т. XIV. С. 1–49.
- 37 Акты, относящиеся к истории Южной и Западной России. Т. 1–14. СПб., 1863–1892; Акты, относящиеся к истории Западной России. Т. 1–5. СПб., 1846–1853.
- 38 Собрание древних грамот и актов городов Вильны, Ковна, Трока, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Ч. 1–2. Вильна, 1843.
- 39 Собрание древних грамот и актов городов Минской губернии, православных монастырей, церквей и по разным предметам. Минск, 1848.
- 40 *Шпилевский С. М.* Путешествие по Полесью и Белорусскому краю // Современник. 1853. Т. XXXIX. С. 75–98; Т. LX. С. 1–26, 39–110; 1854. Т. XLVIII. С. 1–58; 1855. Т. LII. С. 1–62.
- 41 Народные белорусские песни. Собраны *Е. П.* СПб., 1853.
- 42 *Боричевский И.* Православие и русская народность в Литве. СПб., 1851.
- 43 *Турчинович О.* Обзор истории Белоруссии с древнейших времен. СПб., 1857.
- 44 *Без-Корнилович М. О.* Исторические сведения о примечательнейших местах в Белоруссии с присовокуплением и других сведений к ней же относящихся. СПб., 1855.
- 45 *Говорский К. А.* Сборник документов, уясняющих отношения латино-польской народности к русской вере и народности. Вильна, 1867. Вып. 1–2.
- 46 *Лебедин М.* О племенном составе народонаселения западного края Российской империи // Записки имп. Русского географического общества. 1861. Кн. III.

- 47 Материалы для географии и статистики России. Виленская губерния / Составил ген. штаба капитан А. Корева. СПб., 1861; Материалы... Гродненская губерния / Составил подполковник П. Бобровский. СПб., 1863. Ч. 1–2; Материалы... Минская губерния / Составил подполковник И. Зеленский. СПб., 1864. Ч. 1–2.
- 48 Акты, издаваемые Виленской археографической комиссией. Т. 1–39. Вильна, 1865–1915.
- 49 Историко-юридические материалы, извлеченные из актов книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1871–1906. Т. 1–32.
- 50 Т. 1–14. Вильна, 1867–1904.
- 51 Т. 1–15. СПб., 1863–1892.
- 52 *Сапунов А.* Витебская старина. Витебск, 1883. Т. 1; Витебск, 1885. Т. IV; Витебск, 1888. Т. V; издание II и III томов не осуществлено из-за недостатка средств.
- 53 Вып. 1–8. СПб., 1868–1885.
- 54 *Довнар-Запольский М.* Очерк истории Кривичской и Дреговичской земель до конца XII столетия. Киев, 1891.
- 55 *Дашкевич Н.* Борьба культур и народностей в Литовско-русском государстве в период династической унии Литвы с Польшею // Киевские университетские известия. 1884.
- 56 *Петров Н. И.* Белоруссия и Литва. Исторические судьбы Северо-западного края. СПб., 1890 (издано П. Н. Батюшковым).
- 57 *Чистович И. А.* Очерки западно-русской церкви. СПб., 1882. Т. 1–2.
- 58 *Бобровский П. О.* Русская греко-униатская церковь в царствование имп. Александра I // ЖМНП. 1889.
- 59 См., например: *Гуковский К.* Краткое описание Ковенской губернии. Ковно, 1888; и др.
- 60 *Владимиров П. В.* Доктор Франциск Скорина, его переводы, печатные издания и язык. СПб., 1888; *Он же.* Обзор южно-русских и западно-русских памятников письменности от XI до XVII ст. Киев, 1890.
- 61 *Веселовский А. Н.* Белорусские повести о Тристане, Бове и Аттиле из Познанского сборника XVI в. // Из истории романа и повести. СПб., 1888. Вып. 2.
- 62 *Архангельский А. С.* Очерки из истории западно-русской литературы XVI–XVII в. Т. 1–2. М., 1888.
- 63 См., например, его издания: Белорусские пословицы и загадки. СПб., 1869; Сборник белорусских пословиц. СПб., 1874; Белорусские песни. СПб., 1874.
- 64 *Крачковский Ю. Ф.* Быт западно-русского селянина. М., 1874.
- 65 Т. 1–3. СПб., 1887–1902.
- 66 Киев, 1886. Вып. 1–2; Витебск, 1887. Вып. 3; Витебск, 1891. Вып. 4–5; Могилев, 1901. Вып. 6; Вильна, 1910. Вып. 7; Вильна, 1912. Вып. 8–9.

Выпуск 10 вышел в Минске в 1928 г., через шесть лет после смерти Романова, рукописи 11–14 выпусков погибли во время Великой Отечественной войны (*Мельц М. Я.* А. Н. Пыпин и русская фольклористика... С. 124).

- 67 Опыт описания Могилевской губернии в историческом, физико-географическом, этнографическом, промышленном, сельско-хозяйственном, лесном, учебном, медицинском и статистическом отношениях. Могилев, 1882–1884. Т. 1–3.
- 68 *Горбачевский Н.* Словарь древнего актового языка северо-западного края. Вильна, 1874.
- 69 *Потебня А. А.* Два исследования о звуках русского языка. Варшава, 1866.
- 70 *Колосов М.* Обзор звуковых и формальных особенностей народного русского языка. Варшава, 1878.
- 71 *Аптель К.* О белорусском наречии // РФВ. 1880. № 2. С. 197–224.
- 72 *Недешев И.* Исторический обзор важнейших звуковых и морфологических особенностей белорусских говоров. Варшава, 1884.
- 73 *Карский Е. Ф.* Обзор звуков и форм белорусской речи. М., 1886.